

Коллекция служит людям

Дорога домой всегда короче. За воротами комбината она почти сразу пересекает железнодорожную насыпь и начинает петлять среди новых кварталов. Прохожие в эту пору уже редки, и Альберт гулко шагает один среди каменных громад.

Как у каждой улицы свое лицо, так и у каждой части города свой особый ритм и звук. За Нарвской заставой, например, это звук движущегося мостового крана: и днем и ночью слышно его с Кировского завода. Невская застава уже с детства привыкает к ровному шуму работающих станков. В Гавани с недавних пор стали прислушиваться к звукам паровозных гудков. Здесь же, в Купчине, самый распространенный — звук мастерков. Летом ли пройдешь улицей, осенью или зимой: тук-тук мастерков о кирпич, тук-тук... С какой стороны ни подходишь к дому, мастерки словно перекликаются. В тишине их издалека слышно. Там стучат они с высоты девятиэтажного дома, тут — совсем рядом с землей. А вот на недавнем еще пустыре над стройкой повисла гирлянда огней — поднимается новый торговый центр. И опять мастерки отбивают свой ритм...

С самого детства близок Альберту этот звук. С малого возраста сохранилось у него искреннее восхищение людьми, что умеют мастерком чудеса делать. И впрямь, чего стоит огромная груда кирпича, пока она лежит нетронутой? А приходит мастер — золотые руки, — и тот же кирпич становится печью.

Там, дома, на Вологодчине, в его родных Девятинах, что ни хозяин, то непременно отличный мастеровой. Пожалуй, и не встретишь такого, чтобы печь в доме не сложил сам. Альберта и двух его братьев отец тоже с детства к мастерству приучал. Толково приучал, терпеливо. Да только Альберт определил свои склонности сам.

Как-то бабушка, взяв мальчика за руку, пошла с ним на другой край деревни — родню провести. Привести привела, а увести не смогла. Во все глаза глядел он, как дед, прикованный болезнью к кровати, ловко мастерил разных зверюшек из бумаги и клея с помощью глиняных форм. За те часы, что Альберт провел у его кровати, лавки и стол в избе заполнились

толстобокими утками и мохнатыми собаками, аккуратными кошками и причудливыми масками, какие обычно надевают на маскарад. Потом дед любовно расписывал готовые изделия красками.

Через несколько дней в доме Егоровых появилась своя мастерская. Альберту помогали братья и сестры. Зато под Новый год чуть не все девятиновские парни и девчата надели на себя самые невероятные маски, сделанные детьми Якова Егорова.

Наверное, именно в те мальчишеские годы родилась у Альберта тяга к творчеству, начались поиски формы выражения своих мыслей и чувств. И который уж год остается он верен своей первой любви. Какой бы ни оказывался материал у него под рукой — бумага ли, глина, как тогда, или пенобетон, как потом, в пору работы на ДСК, или вот теперь дерево — он непременно заставит его ожить.

Как-то осенним утром посетители одной из аллей Московского парка Победы застыли пораженные. Прямо из кустов на них шагал трехметровый богатырь с рогатиной в одной руке и палицей — в другой. Суковатая палица воинственно вскинута вверх, а рогатина в два человеческих роста прижимает к земле извивающуюся у ног змею...

— Форма дерева была настолько выразительна, словно специально предназначена для скульптуры «Добро побеждает зло», — рассказывает Альберт Егоров. Но прежде чем думать о названии, нужно было иметь солидный кусок дерева...

Эта ива росла когда-то в сквере на углу улиц Салтыкова-Щедрина и Таврической. Росла до тех пор, пока от ветра или, может, от старости не накренилась. И стала угрожать прохожим. Спилили у ивы добрую половину, и остался на месте гигантский пенёк. Радости от него никому, только мешает в сквере. Хозяева территории не знали, как избавиться от сохнувшего куска дерева. И надо было видеть их радость, когда нашелся такой чудак — он взвалил остаток ивы на грузовик и увез его.

А он — это был Альберт Егоров — привез многометровый пенёк домой, в свою отданную жилищной конторой на время подвальную мастерскую на улице Фрунзе и чуть ли не сразу начал работу. «Освободил» от коры лицо, добавил нос, веки, усы... — и на него добрыми глазами глянул старик. Затем узловатая сосновая палка стала палицей, еще одна, длинная — рогатиной. Пластины с шурупами помогли надставить кисть руки, держащей рогатину, и извивающееся тело змеи. Едва последняя деталь встала на место, диковинная скульптура ожила. Это был уже не мертвый кусок дерева, а полуреальное-полуфантастическое существо, разящее зло — змею. Пластика этой деревянной скульптуры настолько выразительна, что никого не оставляет равнодушным. Вот почему в этой аллее Московского парка Победы, неподалеку от кинотеатра «Глобус», всегдалюдно. Посмотреть диковинку приезжают даже с других концов города.

А приходилось ли вам бывать в Дюнах? Если нет, съездите непременно. И там оставил о себе добрую память Альберт Егоров, которому довелось как-то провести здесь свой отпуск. Несколько дней по приезду он

гулял по парку, как все. Но вдруг перестал вовремя приходить к обеду. День, другой, третий... А на четвертый отдохавших встретило на пригорке невероятное зрелище: прямо из земли вырывалось чудовище лесное, злое и угрожающее, ну не иначе сама нечистая сила. Казалось, все кары земные она посылала на тех, кто даже просто увидит ее. «Не подходи!» — кричал беззубый рот. «Отомщу!» — вторили широко раскинутые руки. Казалось, еще секунда — и раздастся над лесом страшный нечеловеческий крик... А ведь сколько людей проходило мимо, и никто даже внимания не обратил на то, что трехствольное от самого корня дерево — почти готовая скульптура, к которой нужно только чуть-чуть приложить руки.

Альберт укоротил средний ствол, превратив его в голову, а крайние стволы стали раскинутыми в стороны руками — и вот уже не дерево во все растет на пригорке, а страшилище всеми силами пытается вырваться из земли, которая крепко держит его. Всякого, кто останавливается рядом, потрясает выразительность образа. И хоть отнюдь не чувство умиротворения оставляет он у зрителя, помнить о нем всякий видевший будет долго.

Неподалеку от этого места, тоже в Дюнах, появился гигантский медведь. Он «стережет» спальные корпуса. Его тоже высмотрел зоркий глаз Альберта Егорова.

Нет, далеко не всякому открывается природа. Она молчаливо и упорно хранит свои тайны. И нужно очень острое зрение, чтобы в тронутых временем пнях, десятилетиями пролежавших в торфянике, корнях и корягах, изъеденных короедом стволах и ветках усмотреть сказочных русалок и добродушных леших, притаившихся хищников и ласковых ручных зверьков, танцующих балерин и легендарных персонажей. Нужно только уметь все это увидеть. Нужно быть немножко сказочником. Нужно уметь фантазировать. И есть, наверное, большой смысл в том, что ставшие традиционными в Ленинграде выставки называют «Природа и фантазия». Любая из представленных здесь работ непременно отмечена фантазией. В большей степени или в меньшей, но непременно.

Кто за чем ходит в лес. Чаще за грибами или ягодами. Альберта Егорова лес привлекает не этим. Бесценный груз, уносимый им на плечах, — коряги и ветки, «сучки и задоринки». Часами ходит он обычно по рытвинам и колдобинам старых заброшенных и сегодняшних торфоразработок, выскивает обнаженные корни, извлекает из валежника причудливые древесные наросты, разглядывает хитроумное сплетение веток. Сколько раз смеялись над ним незадачливые любители леса: они отсюда — с полными лукошками, а он едва тащит какие-то неимоверные коряги...

Я видела эти коряги в его домашней мастерской. От коряг, правда, уже ничего не осталось. Зато появилась целая коллекция образов, часто неожиданных, остро выразительных, подсказанных самыми различными впечатлениями. Композиция «Любовь к жизни» обошла многочисленные выставки «Природа и фантазия». Это не что иное, как иллюстрация к известному рассказу Джека Лондона. Пожалуй, лучше изобразить

трудно. Две по-разному изогнутые ветки — это два обессиливших существа, делающих невероятно трудные шаги: человек и волк. Кто же из них окажется сильнее? Кто останется жить?.. Интересны другие егоровские работы: «Наперекор стихии», «Скорбь», «Анафема», «Танцующий карлик», «Вечный огонь», «Человек с ружьем»...

Чувствуется, что автор отдает предпочтение характерам сильным, ситуациям непременно острым. Кто же тогда его любимый герой?

Им оказался Демон. Конечно, Альберт Егоров отдает себе отчет в том, что Демона уже воспел Врубель. Воспел ярко, убедительно. Но в представлении Альберта Егорова образ этот неисчерпаем. Ведь он в каждое мгновение разный. Сильный и слабый, покоряющий людей и страдающий от их нелюбви, презирующий всех и глубоко ранимый. Всех этих Демонов Альберт Егоров видит. И первый из серии уже родился в его мастерской.

Демона Альберту Егорову тоже подарил лсс. Однажды в редком прозрачном березнячке что-то привлекло его внимание. Повернулся — и вдруг обдало холодом: всего в нескольких шагах увидел свинцовые глаза Демона: он был одинок, как всегда. Он презирал мир...

И вот удивительно. Появление в мастерской Демона отодвинуло все остальные работы на второй план. Демон не давал автору покоя ни днем, во время работы, ни вечером, дома. До тех пор, пока не закончил он его и не отправил на выставку.

Кстати, по выставкам постоянно кочуют несколько десятков скульптур из «деревянной коллекции» Егорова, в которой сегодня уже около четырехсот работ. Необычная коллекция обездила немало городов нашей страны. Книги отзывов с выставок пестрят словами искренней благодарности. «Я давно уже присматриваюсь к работам моего земляка А. Егорова, — написала ленинградка Е. Цеплакова. — Не пропускаю ни одной выставки «Природа и фантазия», где представлены обычно и его работы. И всякий раз он поражает меня чем-то новым. У этого человека есть второе зрение».

Второе зрение... А не есть ли это самый настоящий талант? Художник ведь тоже видит свою картину задолго до того, как первые мазки лягут на полотно. Скульптор ощущает шероховатость будущей фактуры, когда перед ним еще каменная глыба. Иногда Альберту его будущий образ сам бросается в глаза. А бывает, что и неделю, и другую, и месяц крутит он какую-нибудь корягу или сплетение веток, чтобы понять, что же это перед ним. Но уж зато, найдя решение, начинает удалять все лишнее, освобождая тот образ, что заключен в дереве.

«Все лишнее» Альберт Егоров доводит до минимума. Он обходится с природой весьма деликатно. Только чуть-чуть подправляет то, что непременно требует поправки, совсем незаметно вмешивается в игру природы.

И многочисленные любители природной скульптуры по достоинству оценивают это. Перелистаем дальше книги отзывов. Вот какие слова адресованы Альберту Егорову:

«Мне доводилось видеть разные выставки. Иные поражали безукоризненностью мастерства, другие пробуждали глубокие чувства. Сегодня я познакомился с чудесным даром оживлять целый мир силой влюбленного взгляда на нашу родную русскую природу».

«Работы А. Егорова — поистине диковинки русского леса. На первый взгляд кажется: много ли нужно для их создания? — Зоркий глаз да немного фантазии. Но чуда не произошло бы без большой любви человека к природе. Она — в каждой егоровской вещи».

Альберт Егоров — экскаваторщик Кузнецовского домостроительного комбината. Его рабочий день проходит в кабине громыхающей машины. Чего только не выпадает на его долю в эти часы! Корчует корни старых деревьев, разбирает завалы, а чаще — роет котлованы под фундаменты новых домов. Сколько новых домов поднялось за многие годы его работы в ДСК! А он снова и снова меняет адреса, чтобы подготовить место для новых зданий за Московской заставой. Экскаваторщик привычно переводит рычаги управления, ловко подхватывает ковшом грунт. Но что это? В воздухе мелькнула вырванная из земли замысловатая коряга. Сегодня Альберту будет над чем потрудиться после смены...

Вот почему его дорога домой всегда короче. Обычно она выпадает на поздние вечерние часы (Альберт с напарником отрабатывают подряд по две смены, зато через день). А в такую пору отлично думается. Пока идет до дома, в воображении его уже «толпятся» герои — вчерашние, сегодняшние, завтрашние. Поднялся на четвертый этаж, вошел в квартиру — и, минуя другие комнаты, — в свой «рабочий кабинет». Так они с женой Лидией Николаевной называли третью комнату их отличной новой квартиры на Бухарестской улице. И пусть время за полночь, он должен побыть здесь хоть немного.

Говорят, у японцев около каждого дома есть непременно маленький сад. Человек, входя в него, словно оставляет позади шумный деловой мир, отрешается от всего, что только что окружало его там, на людных улицах и шумных заводах. Здесь, за порогом сада, начинается его дом, тишина и покой, его мир.

Давно уже спят дети — Андрюша и Оксана. Уснула жена. Тишина в доме. Вошел к себе — и куда девается усталость после двух нелегких смен! В который раз Альберт вертит в руках суковатую корягу, только что принесенную со стройки. Не терпится ему обнаружить, что же она таит в себе. Пожалуй, это какая-то диковинная птица с широко распахнутыми крыльями. Причудливо изогнута шея, взгляд устремлен вниз. Да ведь это — стервятник! Но... не надо спешить! Пусть находка еще полежит. Надо к ней привыкнуть, убедиться, что лучшего решения нет, что это — единственное, самое лучшее. И только тогда в дело пойдут нож, или круглые стамески, или резец собственной конструкции, или даже ножовка.

— Но долго у меня находка обычно не лежит, — рассказывает Альберт Егоров. — Она не дает мне покоя до тех пор, пока не рождается какой-то образ и не получает свою законченную форму.

С ним интересно идти по улице. Его фантазия уходит далеко за рамки непосредственно видимого. Наверное, дай ему волю, он не одно дерево превратил бы в выразительную скульптуру... Но использует он, конечно, лишь стволы совсем сухих деревьев. На живое дерево никогда не поднимет руку. Наоборот, он дает новую жизнь уже погибшему.

Кто видел работы Альберта Егорова хоть раз, не сможет их забыть. Ну как действительно не сохранить в памяти старичка-дубовичка! Кажется, он весь состоит из одной бороды. Согнутый в три погибели, добрый, уютный старик. Все главное в нем — от леса: выразительный изгиб ствола, который стал согбенной спиной. Детали же: рука с палкой, чоботы и едва намеченное лицо — нашел Альберт. Но нашел именно то, что нужно. И дубовичок ожил. Смотришь на него и видишь: сейчас вот оглянется и пошлепает своей старческой походкой к себе домой, в лес...

Природа — великая кудесница. Чего только не рождает она, какие сюрпризы не преподносит! Росла когда-то на опушке леса тоненькая стройная березка. Да вдруг заболела. Пышным воротом стал опоясывать ее нарост. Вот-вот края его соединятся. Высохло дерево от напасти. Обошел Альберт заболевшее дерево раз, другой, присмотрелся внимательно. И чуть только подправил. В результате получилось, будто норка примостилась на стволе. Рыженькая огневушка так и приросла к березке...

А этот человек, согнувшийся над инструментом, что лежит у него на коленях, чем не бандурист? Поза музыканта выдает грустную мелодию. По всему видно — вспоминает старик свою нелегкую жизнь. Сколько ему еще осталось? Может быть, и эта мелодия — последняя...

А воображение уносит мастера все дальше. Кусок черного корневища, весь изогнутый и причудливый, стал бабой-ягой. Какой-то наплыв на стволе превратился в голову матери со скорбной сеткой морщин на лице... Ну конечно же, все эти скульптуры могли быть только из дерева. Уж очень велики его возможности!

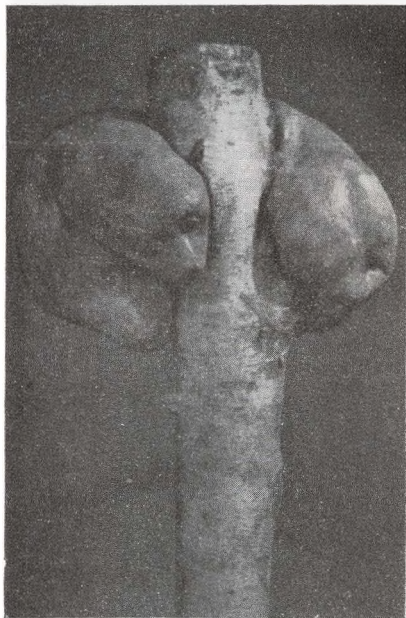
Мы искренне восхищаемся трудом и талантом собирателей всякого рода редкостей. Но вдвойне, втройне дорог нам собиратель, если он к тому же еще и творец собственного собрания. И если бы появилась такая возможность — собрать в одно место все сотни рукотворных диковинок Альберта Егорова, они составили бы уникальный музей, замечательный для каждого.

Так кто же он — строитель или художник? Точнее — творец. Без творчества Альберт не представляет своей жизни. Ведь тем и богат каждый его день, что он отмечен радостью творчества.

Сегодня, как и всегда, Альберт Егоров на своем экскаваторе осваивает строительную площадку, чтобы через какое-то время на этом месте вырос еще один новый дом. А вечер опять застанет его в обществе своей лесной коллекции. Здесь он сделает для себя новые радостные открытия. А потом подарит эту радость людям.

И дарит лес чудеса

Из коллекции А. Я. Егорова

Рыженькая огневушка так и при-
росла к березке.

Все пережитое, вся жизнь — на лице
матери.

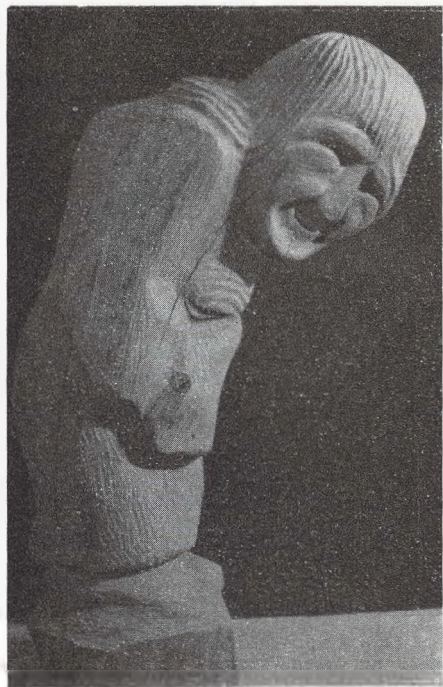
Сейчас вот оглянется старичок-ду-
бовичок и пошлепает к себе домой,
в лес...

Бандурист.

И это вырезал Егоров...

Человек с ружьем.

Старушка из сказки.

Демон.

Не иначе — сама «нечистая сила».

Прямо из кустов шагает трехметровый богатырь...